

Память

Искать свой первопуток

**«Трубы – мрачные свечи,
/ Небо дымное – матовым
спектром, / На могучие пле-
чи / Натянул добровольное
пекло / Город мой...» – так в
60-х годах написал о родном
Магнитогорске молодой
поэт Гулюс (Григорий)
Миргаязович Газизулин.
Он родился 16 ноября 1947
года и ушёл из жизни со-
всем молодым, двадцатиче-
тырёхлетним – трагически
погиб 26 июня 1972 года в
Ленинграде. В этом году ис-
полняется 70 лет со дня его
рождения.**

Везде, где учился Газизулин, – в
индустриальном техникуме, на
литературном факультете Магни-
тогорского педагогического инсти-
тута или в аспирантуре Ленинград-
ского педагогического института
имени А. И. Герцена – его помнят
как человека бесконечно талантлив-
ого, яркого, неравнодушного.
В Магнитогорске Гриша был ак-

тивным участником литературного
объединения «Красное солнышко».
Всё, что он говорил при обсуждении
стихов, звучало интересно, не ба-
нально. Это был конец хрущёвской
оттепели, и свежий воздух 60-х ещё
не до конца сменился затхлостью
застоя. Гриша щедро делился с
нами, его друзьями, стихами За-
болоцкого, Анненского, Гумилёва,
поэтическими шедеврами Пастер-
нака к роману «Доктор Живаго».
Где он их брал, откуда приносил?
Ведь произведения этих авторов в
то время почти не издавались, были
библиографической редкостью.
А как Гриша читал стихи! Слова
падали тяжело, весомо. Стихи в
его исполнении сразу становились
любимыми. Свои же сочинения он
много раз корректировал и редко
отдавал в печать в институтскую
газету «Педагог».

У Гриши была прекрасная ди-
пломная работа о Николае Забо-
лоцком. В 1970 году после оконча-
ния литературного факультета он
поехал в Ленинград поступать в
аспирантуру. Сначала у него не бра-

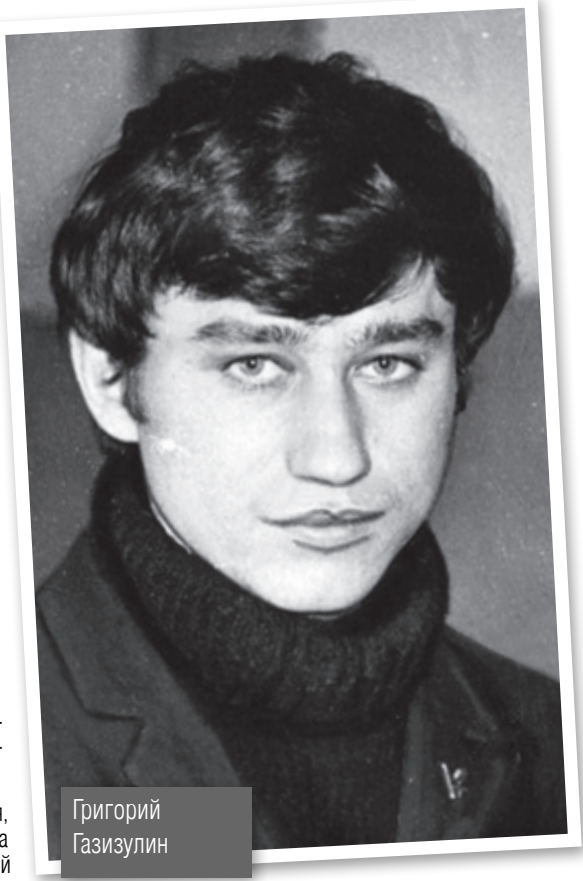
ли документы, в тот год принимали
только «целевиков», то есть тех, у
кого было направление от своего
института. У Газизулина направле-
ния не было. Но, познакомившись
с его работой, ленинградские про-
фессора поняли, что этот парень
должен непременно учиться у них.
И он поступил в аспирантуру, но, к
несчастью, не окончил её. Он уто-
нул, купаясь в Неве.

Многие, знакомые с этим по-
дававшим большие надежды сти-
хотворцем, могут высказаться
о нём. Так, доцент МаГУ Ирина
Владимировна Петрова когда-то
очень ёмко написала: «О Грише
Газизулине мне тяжело говорить.
Слишком нелепа, невероятна, не-
справедлива его ранняя смерть. Он
не был идиллическим мальчиком
из рождественских рассказов. В нём
была своя угловатость, сложность,
его часто мучили сомнения. Он
болезненно – до взрыва, до крика –
ненавидел двоедушие. И всё-таки
больше всего меня поражала в нём
всепобеждающая жажда счастья
– не бытовой устроенности, благо-

получия, комфор-
та, которые ныне
за в о р а ж и в а ю т
многих до беспя-
мятства, а счастья
в его широком, все-
охватном смысле,
как полноты и глу-
бины самореали-
зации».

Друзья Гриши
создали группу в
социальной сети
«В Контакте» –
**https://vk.com/
club148891512**,
где собирают ма-
териал о нём – вос-
поминания, стихи,
письма. Надеемся,
что когда-нибудь на
основе этого мате-
риала получится из-
дать книгу. Его пер-
вую книгу.

✍ Галина Лещинская,
член Союза
русских писателей

Григорий
Газизулин

Поэтический архив

Григорий Газизулин

«Небрежно облачившись в облака...»

Ноктамбула

Давно благоустроен Китеж,
Души не бередит
и во хмелю не снится.
И явь, конечно,
полнокровней сна.
И мир благополучен.
Что ж ты липнешь
К его бесстрастно-величавой
пояснице
Горчишником бессонного окна?

Трансцензус (Элегическая шуточка)

Когда затихну, неподсудный,
Упрячут, вежливо скорбя,
Как духа в новую посуду,
Пустынножитель мой, тебя.

Какие, сумасбродный, колкий,
Наложат на тебя посты? –
Инакомыслящим недолго
Умалишёнными прослыть.

Как ты покаешься, изверься,
И образумится тоска,
Твоя божественная ересь,
Звон голубого колпака?

И новый ум в сухой оправе
Немеет в оргиях весны.
Какие он увидит яви
И – господи! – какие сны.

Как содрогаются заветы
«Не возлюби!», «Не укради!»
И сердце мёртвого поэта
Дрожит в бухгалтерской груди.

Снова снишься и морочишь.
Снова твой приход.
Снятся призрачные ночи
пополам с грехом.

Помнишь, жил один прелюбо-
И священнодей?
Зацелованные губы
Нёс на суд людей.

Клятва не требуя ненужных
и не веря им,
ты с решимостью замужних
книжных героинь

оставалась до рассветных
жадных глаз людских
с соловьиной песней спетой
в логове тоски.

Но подумав, успокоясь
и раскаясь вдруг,
ты не бросилась под поезд,
а – в привычный круг.

Ты не Анна, ты не Анна!
Грех свой замолив,
Ты живешь, и всё, и странно –
я ведь тоже жив!

Только – хочешь ли, не хочешь –
Снится твой приход.
Снятся призрачные ночи
Пополам с грехом.

Настоятель

Слабительное «позвольте».
Размашистое «разрешите».
На памятном горизонте
Покачивается вершитель

Моей и подобных судеб,
Мой Соломон сомнений,
Проникший до главной сути
Анахронических трений.

Уверенностью пророка,
Причастного абсолюту,
Врачует язвы и струпы
Ущербных моих пороков.

Евангельским отголоском
В сознании отразится
Его золотых полосок
Классическое триединство.

И я по привычке только
Путаю – извините –
Слабительное «позвольте»,
С размашистым «разрешите».

Увольнение

Это всё потом – как отгуляет,
Выдохнется, зацветёт настой.
Вытомленным скрипом
отстреляет
Терпеливый зимний сухостой.

Всё потом – по-за тугие плечи,
Через перемерзшие ручки,

Через плачи, наговоры, речи –
К пламени ворованной свечи.

Мимолётко
выщербленных сказок –
Хмелем опрокидывал полон
Затаённых ласок
Обделённых жён,

Горестной отравы
Выкраденных ран.
Правым ли, неправым –
Да чего уж там...

Там опять, звенящ и безупречен,
Клацал плац, отскакивал от ног.
Выплакав несбывшиеся встречи,
Гулко ликовало полотно.

Шалый блеск зрачка
в овале пыльном.
Там в глазах
торжественно встаёт
Торопливый выплеск
зимних крыльев
Запоздалых зимних соловьёв.

По марту

Весна прошла без сновидений
и без строчек,
А первый грач приходит безголос.
Так скрипкий выплеск
холостых колёс
Новорождённо плачет
и бормочет.

Уже седьм –
опять простоволосым
И желтозубым вымарался грач.
Переиначив свой гортанный плач,
Хохочет над
неопытным вопросом.

Строитель
долгожданного разлада,
Какою лаской обрядит тоска?
И тычется
по соловьиным glandам
Которая бездомная строка?

И человек разглаживает пути
И скрипкий выплеск
сохнувшей руки:
«Я мог устать искать
свой первопуток,
Все время утыкаясь в тупики».

Прощание

Есть, говорят, одна примета:
Дороги вновь пересекутся,
И в море бросившим монету
Вновь суждено к нему вернуться.

И с простодушным упованьем
На суеверное всесилье
Вы безнадежное отчаянье
За борт «Абхазии» топили.

И море волновалось мудро,
Дары приемля величаво.
А пенные седые кудри
Тонули за кормой печально.

Я знал – возвраты невозможны.
И ни к чему нам с вами это.
Я сжал до судорожной дрожи
В руке волшебную монету.

Апрель

Земля лежит
сегодняшней вдовой,
Чернее антрацита запеклась.
Ещё свежа заснеженная связь.
Былая боль не поросла травой.

Ещё ночами иней сходит к ней
И гинет привиденьем по утрам.
Но солнце –
ловкий врачеватель ран –
Чарует, искушает всё сильней.

Небрежно облачившись в облака,
Небесный щёголь
смотрит свысока.
То, огненные кудри распушив,
Бесовскими лучами мельтешит.

И жарит, не торопится домой,
Клянётся опекать, не допекать...
Земля лежит
сегодняшней вдовой,
Распутав узел вдовьего платка.

Ёжику

Что сидеть – бумагу мучать?
«Зарифмованное чувство».
Просто знаешь, мой колючий,
Почему-то очень грустно.

Слушай – быть иголконосцем,
То и жить, наверно, легче?
Если самому колоться,
То, наверно, колют меньше.

Ты в надёжнейших доспехах.
Почему ж в глазах-родинках
Чаще торжества и смеха
Появляется грустинка?

Значит, и тебе охота,
Чтобы не забавы ради,
Не случайно чтобы кто-то
Иглы бережно пригладил?

Магия

Белый тигр... два белых тигра,
Три белых ти...
И ты в незапертой квартире,
И позволительно уйти.

И снег забывчивость доверья
Распишет и запорошит.
И расступились звери перед
Переселением души.

Очерчен круг движеньем медным
Необязательности игр.
Пора идти – чего ты медлишь? –
Уже четвёртый белый тигр!

За опрокинутым вопросом
Крючка на красном потолке
Сотрёт придуманную зыбку
Шероховатая улыбка,

И облегчённо безголосий
Взгляд затихает на крючке.
В дверь гулливеровская кошка
Вкатила полосатый рёв.

В невозмутимое окошко –
Луны серебряная площадка...
Что ли, завить на неё?

От зари до зари
Вам молиться истово.
И пивные пузыри
Принимать за истины.

И поочередно петь
Библии и кодексы.
И свече, и кочерге
Кланяться приходится.

Исповедь – «молю, скорблю» –
Съеденные сказки.
Тосковать по журавлю –
Вам, с синицей в пазухе?